

**АГОНИЯ „КРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА”:
СЛОЖНЫЕ ДИЛЕММЫ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ**

**AGONIA „CZERWONEGO CZŁOWIEKA”:
ZŁOŻONE DYLEMATY SWIETŁANY ALEKSIJEWICZ**

**THE AGONY OF THE “RED MAN”: CONTRADICTIONARY
DILEMMAS OF SVETLANA ALEXIEVICH**

Jarosław Poliszczuk

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań — Polska,
yaropk@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to the Svetlana Alexievich literary works in the cultural and social context of our time. As the writer has recognized, she writes about the end of the epoch which was called *homo sovieticus*. She paid a great attention to the traumatic experience regardless of to whom it belongs: to the Soviet servants or their victims — the ones who were repressed and called dissidents. Humanistic pathos is one of the main features of Svetlana Alexievich's writings. It overestimates the value of individuality and private life in the contemporary society.

Ключевые слова: „красный человек”, народ, *homo sovieticus*, опыт, травма, творчество, эпоха.

Słowa kluczowe: „czerwony człowiek”, *homo sovieticus*, doświadczenie, trauma, twórczość, okres.

Keywords: „red man”, nation, *homo sovieticus*, experience, trauma, writing, epoch.

„Красной” империи нет,
а „красный” человек остался.
Продолжается.

Из Нобелевской лекции
Светланы Алексиевич

Гибель советской литературы

Геополитический уклад Центральной и Восточной Европы претерпел радикальные изменения именно в последние десятилетия. Период конца 80-х и начала 90-х годов XX века принес решительный перелом в геополитическую систему континента, ознаменовав не только уход с арены Советского Союза, но и демократическую трансформацию ряда обществ, составляющих основу региона. На первом этапе этого процесса получил реальную независимость ряд центральноевропейских стран, раньше находившийся в орбите влия-

ния Москвы. На втором этапе подобную субъектность начали обретать также народы бывшего Советского Союза, который распался в 1991 году. Создание на руинах советского государства новых республик обозначило окончательную черту эпохи. С одной стороны, это повлекло за собой неизбежную дискредитацию советского метанарратива, длительное время служившего структурообразующим элементом определенного культурного пространства. И хотя этот процесс оказался непростым, болезненным и противоречивым, все же расщепление советской идентичности стало одной из важнейших задач в современной культуре бывших республик СССР. С другой стороны, в этом пространстве наблюдаем постепенное становление новой идентичности и новых нарративов, которые соответствуют запросам нашего времени, но также отражают локальную специфику отдельных народов и вновь созданных государств.

Проблемы культурной трансформации в постсоветском пространстве представляют очень интересный, хотя еще мало изученный, объект для научного исследования. Их анализ предполагает осознание диалектического единства противоположных элементов — деструктивного, выраженного в постепенном отмирании советского культурного дискурса, и конструктивного, представленного созданием дискурсов, способных в современных условиях заменить устаревшие. В рассматриваемом случае мы имеем дело с таким парадоксом — единством противоположностей — в творчестве одного писателя. Светлана Алексиевич — автор, безусловно, выдающийся, лауреат Нобелевской премии 2015 года. Ее творчество можно считать последовательным разворачиванием определенных тем и мотивов, заявленных однажды и следующих из одной книги в другую. Однако следует заметить также очень серьезную эволюцию этого автора, проявляющуюся в отходе от стереотипов советской литературы и поиске новых изобразительных средств в искусстве XXI века, в условиях характерных для нашего времени обстоятельств и культурных вызовов.

Определяя период распада советской идентичности, следует указать значительно более широкие временные рамки, чем 1989–1991 гг. Во-первых, деградация этой модели постепенно происходила и раньше, начиная с бунта интеллектуалов 1960-х лет. Еще более сложно указать верхнюю черту распада советской цивилизационной модели. Ясно, что крах Советского Союза создал неотвратимые предпосылки к этому процессу:

Если сами литературоведы советского времени определяли существования „советской литературы“ как единого целого факторами, тесно связанными с существованием СССР и распространением советского метанарратива (об-

щая территория, общая идеологическая платформа), распад СССР надо неизбежно воспринимать как толчок к расщеплению прежнего единства, глубинного или только поверхностного. Естественно, если признать литературный процесс именно процессом с собственными закономерностями, дата гибели „советской литературы” не должна обязательно совпадать с последним днем советской империи. Это день может представлять лишь *terminus post quem*, т. е. начало существования основного условия для ее отмирания¹.

В 90-е годы XX столетия, когда на базе бывшего СССР были созданы новые республики, коммунистическая идеология потерпела сокрушительный крах. Новые страны, возникшие в постсоветском пространстве, в той или иной степени дистанцировались от советского наследия: они избрали либерально-национальные или консервативно-националистические идеологии. Однако в последнее время характерной тенденцией в этом пространстве является ностальгия по советскому прошлому, стремление к самоизоляции, к уходу от современных проблем назад, в „светлое прошлое”. При этом недооценивается инфантильность и контрпродуктивность такого движения. Если апеллировать к авторитету Светланы Алексиевич, писательницы, творчеству которой посвящена эта статья, то придется признать, что ее взгляд на распад советской идентичности не отличается оптимизмом. Более того, согласно ее мнению, мы живем в эру полураспада советского человека, и только полный распад, для которого потребуются более длинная историческая дистанция, приведет к созданию новой идентичности, принципиально иной, отличной от переживающей затяжной кризис.

Светлана Алексиевич рискует стать, как нам кажется, последним классиком в границах того культурного дискурса, который можно обозначить как советский, и одновременно — что кажется весьма парадоксальным — его окончательным гробовщиком. Тот факт, что ее писательская карьера фактически совпадает с разрушением этого дискурса, придает творчеству белорусского автора особый статус. Быть может, в будущем, когда советскую эпоху будут оценивать с исторической дистанции, как окончательно состоявшееся прошлое, произведения Светланы Алексиевич обретут еще большую ценность, чем теперь. Скажем, известный русский исследователь Г. Гусейнов считает, что сегодня нужно учиться читать свое время и свою эпоху на книгах тех писателей, которые воспринимали и рефлексировали это время критически, в отличие от

¹ L. Matejko, *От „советской литературы” к национальным литературам на постсоветском пространстве: случаи Украины, Беларуси и Азербайджана*, [в:] *Literature and Social Change: A Voyage Through the History of Slavic Studies*, ed. by L'ubor Matejko, Bratislava 2017, с. 110.

догматических сочинений советских литераторов „в законе”². В целом следует признать, что инерционное сопротивление советского дискурса оказалось очень серьезным, и его до сих пор не всегда удается преодолеть. В этом отношении исследование советского наследия и его влияния на современные культуры народов Восточной Европы остается актуальной задачей и в наше время:

Ключевым вопросом формирования новой идентичности литератур постсоветских стран кажется вопрос о роли наследия советского метанарратива. [...] Вопрос об отношении к советскому метанарративу был тесно связан с усилением роли новых национальных нарративов. Их развитие стало основной чертой общественного дискурса в государствах, формально приобретших независимость. Отметим, что вспышка национализма отнюдь не касалась лишь постсоветского пространства в узком смысле слова. [...] Мера успешности того или иного национального проекта в конце XX в. в значительной степени предопределяла степень развитости этих проектов и подготовленность того или иного общества к смене советского метанарратива собственным национальным нарративом. Там, где национальные проекты стали обиходной реальностью и смена советского метанарратива успешно завершилась, создались условия для более широкого распространения постмодернистских и глобализационных концептов в обществе и литературе. Поскольку [...] развитие национальных проектов в силу исторических обстоятельств XIX и XX вв. было в той или иной мере заторможено, преодоление наследия советского метанарратива в общественном сознании было достаточно осложнено, что не могло не сказаться на литературном процессе и литературной жизни³.

Западные ученые и раньше акцентировали внимание на весомости проблемы, указывая, что советский дискурс разрушается слишком медленно и едва ли исчезнет полностью⁴, но, видимо, их мнение не очень интересовало политиков, экспертов и широкую общественность на Востоке Европы. А между тем, познание сущности проблемы, в частности разных фаз распада советской цивилизации, могло бы предупредить некоторые драмы и трагедии на постсоветском пространстве. С одной стороны, советский проект целиком себя исчерпал в политическом и экономическом смысле, что является общепризнанным фактом. С другой стороны, в культуре он продолжает присутствовать, определяя „жизнь после смерти” — не важно, то ли в серьезно-патетическом, то ли в пародийно-гротескном качестве. Вопрос только в том, как к нему относиться: считать ли объектом, заслуживающим внимание, или всего лишь „фан-

² Г. Гусейнов, *О дискурсе мракобесия*, [в:] электронный ресурс: <https://realnoevremya.ru/articles/69107-gasan-guseynov-o-diskurse-mrakobesiya-leksikonk-stalina> (20.05.2018).

³ L'. Matejko, указ. соч., с. 112.

⁴ G. Gill, *Symbolism and regime change: Russia*, Cambridge 2013, с. 7.

томной болью” прошлого, которой заражена наиболее консервативная часть общества постсоветских государств, то есть преимущественно представители старшего поколения.

Сказанное выше имеет непосредственное отношение к творческому амплуа Светланы Алексиевич. Во-первых, в том смысле, что ее творчество досконально отражает непростой и очень противоречивый процесс распада советской идентичности. Во-вторых, потому, что сама писательница непосредственно переживает в своей литературной карьере, а также в общественном и личностном самоопределении каждую из фаз распада *homo sovieticus*, наблюдая на собственном примере постепенную утрату качеств, вынесенных из прошлого, а также рождение других, формирующих новую идентичность. Ее заслуга состоит в ярком и убедительном представлении периода „смены вех” конца XX и начала XXI века, когда на тле разрушающейся советской ментальности начала формироваться новая, соответствующая цивилизационным преобразованиям в постсоветском мире. Кроме того, писательница не принадлежала к оптимистам и не прогнозировала слишком легкий и быстрый ход трансформационного процесса; скорее, она оказалась реалисткой, предвосхищая непростые следствия „полураспада” на этом пути.

Все литературное творчество Светланы Алексиевич посвящено изображению советской идентичности в разных ее формах и проявлениях, как национально-этнических, так и социальных, сословных, религиозных и т. д. Более того, как следует из интервью и собственных заявлений писательницы, она считает эту проблему не только важной в общественном и культурном измерении, но и органичной для себя как творческой личности. Процесс идентичностных преобразований после распада СССР Алексиевич оценивает довольно болезненно, воспринимая в качестве его жертв не только многих соотечественников, послуживших прототипами для героев ее книг, но и себя саму — гражданина, адепта определенной культуры и творческую личность. Теперь, когда писательница получила мировое признание за свою литературную деятельность, пафос ее произведений становится достоянием все большего числа читателей. Ведь статус Нобелевского лауреата дает значительные преференции, которые писатель может использовать, чтобы донести свои ключевые идеи до широкой общественности.

Свидетельство

В далекие 1980-е годы Светлана Алексиевич начинала литературную карьеру как советский автор. Она от этого прошлого не отказывается, признавая его своеобразной исходной позицией своего

творческого пути. Нелояльность по отношению к политическому режиму президента Лукашенко на родине привела С. Алексиевич к изгнанию, поэтому долгое время она жила за границей, преимущественно в Германии. Согласно формулировке Нобелевского комитета, она была удостоена премии за полифоничность творчества, оцениваемого как „памятник страдания и мученичества в наше время”. Действительно, все предыдущие книги С. Алексиевич были посвящены последовательному разоблачению советских мифов и возвращению трудной, порою очень болезненной, правды о жизни в СССР и в современных государствах, созданных на ее руинах, — главным образом, в России и Белоруссии. Первые из этих произведений появились еще в эпоху СССР, причем они определенным образом детонировали это, в свое время монолитное и дееспособное, государство. Это книги публицистики *У войны не женское лицо* (1985) и *Последние свидетели. Сто не детских рассказов* (1985), апеллирующие к народной памяти о Второй мировой войне. Вслед за дебютными произведениями появились книги, развенчивающие секретную советскую миссию в Афганистане: *Цинковые мальчики* (1989), *Очарованные смертью* (1993): в них автор вторгалась в запрещенную тему и прослеживала судьбы тех, кто стал жертвой необъявленной афганской войны. Дальше пришло время мужественной исповеди об атомной катастрофе — *Чернобыльская молитва* (1997, 2006). И наконец — *Время секонд-хенд* (2013), книга, определенным образом подытоживающая предыдущий опыт писателя и публициста, завершающая своеобразное многотомное исследование, посвященное сходной проблематике. То, о чем пишет С. Алексиевич, не нравится власти и официальным историкам, но это не удивительно. Ведь она дезавуирует спрятанную от общества правду о нашем времени, стремится к истине сквозь завалы государственной лжи, полуправды и замалчивания фактов советского прошлого. Находит свидетелей, о которых давно забыли, а также воспоминания, которые до сих пор оставались не востребованными. И в этом проявляется безусловный талант автора, хотя он спрятан от поверхностного взгляда: кажется, будто простота рассказа и ясность его содержания рождаются сами по себе, а на самом деле — это результат напряженного и целенаправленного писательского труда. Тем не менее, написанному тексту придается в этом случае такая форма, которая оптимально передает эффект устной речи, ее характерных особенностей, даже интонации отдельных акторов. Улавливать и различать такие интонации Светлана Алексиевич училась долго, и сегодня гордится этим умением, считая его важной составной профессионального опыта. Недаром она сознается в своей нобелевской речи:

[...] Я могу сказать о себе, что я человек — ухо. Когда я иду по улице, и ко мне прорываются какие-то слова, фразы, восклицания, всегда думаю: сколько же романов бесследно исчезают во времени. В темноте. Есть та часть человеческой жизни — разговорная, которую нам не удастся отвоевать для литературы. Мы ее еще не оценили, не удивлены и не восхищены ею. Меня же она заморозила и сделала своей пленницей. Я люблю, как говорит человек. [...] Люблю одинокий человеческий голос. Это моя самая большая любовь и страсть⁵.

В жанровом смысле книги Светланы Алексиевич представляют собой определенное гибридное качество, которое, кроме всего прочего, хорошо передает сущность нашего времени и сущность эволюции самой литературы в свете последних событий в мире культуры. Приходится считаться с результатами бума средств массовой коммуникации, что привело к обесцениванию художественного слова, уступившего место другим дискурсам речи. Совсем противоположная тенденция намечается в связи с массовым интересом к устной истории, к конкретно-индивидуальному образу прошлого — как источнику неконвенциональных знаний о истории. Так или иначе, нужно признать, что отношение к литературе, ее востребованность в обществе радикальным образом изменились в последнее время. Литературный факт

как динамический элемент литературной конструкции сместился в область массмедиа, обладающей куда большей и реальной автономией, нежели литературное поле, и куда большим объемом социального, экономического и политического капитала, выставленного для обмена⁶.

Книги, написанные Светланой Алексиевич, вырастают из личного опыта, из частных впечатлений заурядных свидетелей, сквозь которые — часто довольно-таки неожиданно — проявляется что-то очень существенное, претендующее на общую характеристику целой эпохи. Ее появление связано со следствиями глобального процесса, в ходе которого большие и всеохватывающие повествования (нарративы) постепенно утратили свое значение⁷, причем в нашем случае это усугубляется также радикальной перестройкой геополитических и геокультурных конфигураций Восточной Евро-

⁵ „О проигранной битве”. Нобелевская лекция Светланы Алексиевич, [в:] электронный ресурс: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ru.html (20.05.2018).

⁶ *Литературократия. Проблемы присвоения и перераспределения власти в литературе*, Москва 2000, с. 268.

⁷ См.: Ж.-Ф. Лиотар, *Состояние постмодерна*, пер. с фр. Н. А. Шматко, Москва-Санкт-Петербург 1998, с. 10.

пы, связанных с исчезновением Советского Союза и его стран-сателлитов в конце 90-х — начале 90-х годов XX века. Так или иначе, творчество Светланы Алексиевич невозможно понять вне геополитических контекстов нашего времени, с характерной для него стремительной динамикой роста, развития и противоречий. Писательница сознательно пытается строить новую культурную парадигму вместо утратившей свою функцию. Она заполняет ту эстетическую нишу, о которой в культурной антропологии сегодня пишут одновременно с разочарованием и надеждой, подчеркивая острую востребованность в современных условиях микронарративов, отражающих такие аспекты жизни, которые всегда теряются в историях большого масштаба⁸.

После вручения Алексиевич престижной мировой премии обострились споры о том, насколько уместно рассматривать ее книги в категории художественной литературы. Собственно, такие дискуссии велись и раньше, они постоянно окружали восприятие творчества белорусской писательницы. Сейчас же они вписываются в более широкий контекст дефинирования современной литературы, постоянно экспериментирующей с формой и напряженно ищущей наиболее эффективные средства влияния на читателя. Документальное и эссеистическое письмо, инкорпорированное в художественный дискурс, позволяет современному автору сделать текст более пластичным и гибким, модернизировать его. Смешивание различных дискурсов, конечно же, усложняет задачу идентификации такого произведения, зато является действенным ответом на современные вызовы информационного поля и массовой культуры, оказавшиеся для литературы очень серьезными угрозами в XXI веке. Ведь в последнее время приходится считаться с маргинальным статусом художественной литературы: ее традиционные функции растворились в сфере массовой коммуникации. Как утверждает польский критик Пржемыслав Чаплинский (Przemysław Czapliński), маргинальность литературы — это обреченность и приговор, вынесенный свободным рынком и исполненный массовой культурой⁹.

Размышления о форме и способе повествования с давних времен волнуют и самого автора *Чернобыльской молитвы*, причем волнуют настолько серьезно, что этой проблеме была посвящена отдельная ремарка также в Нобелевской речи Светланы Алексиевич. Итак, писательница считает, что вторжение документального по-

⁸ A. Mencwel, *Wyobrażenia antropologiczne. Próby i studia*, Warszawa, 2006, с. 217; E. Domańska, *Historia ratownicza*, „Teksty Drugie” 2014, nr 5, с. 14.

⁹ P. Czapliński, *Efekt bierności. Literatura w czasach normalnych*, Kraków 2004, с. 45.

вестования в художественный дискурс является вполне логичным процессом нашего времени. И свое творчество в этом отношении воспринимает не как исключение из правила, а как попытку поиска обновленной формы, наиболее соответствующей воплощению специфического содержания — памяти о советском прошлом, которое очень трудно поддается идентификации, в частности по причине его „непроизносимости” и „непереводности” на языки современной культуры или популярной сегодня беллетристики.

Не раз слышала и сейчас слышу, что это не литература, это документ. А что такое литература сегодня? Кто ответит на этот вопрос? Мы живем быстрее, чем раньше. Содержание рвет форму. Ломает и меняет ее. Все выходит из своих берегов: и музыка, и живопись, и в документе слово вырывается за пределы документа. Нет границ между фактом и вымыслом, одно перетекает в другое. Даже свидетель не беспристрастен. Рассказывая, человек творит, он борется со временем...¹⁰

Вряд ли белорусская писательница сможет окончательно разрешить спор о сочетаемости художественного и документального фактора в современной литературе. Ясно только, что в наше время информационное поле поглощает и растворяет островки художественного нарратива: это процесс глобальный и ему писатели пока что не могут ничего эффективного противопоставить. В свое время такую угрозу анонсировал еще Вальтер Беньямин, говоря о культуре 30-х гг. XX века. Он писал:

Если оскудевает искусство повествования, то решающая роль в этом принадлежит именно информации. Каждое утро нам сообщают о новостях во всем мире. Но странных историй нам все равно не хватает. [...] Ничто из происходящего не является предметом рассказа, все достается информации¹¹.

Светлана Алексиевич принадлежит к тем немногим, кто стремится все-таки дать читателю „странные истории”, обеспечивая тем самым неутолимый интерес к изящной словесности в эру торжества массовых коммуникаций.

Сущность постэпохи

В последней из опубликованных книг Алексиевич определяет сущность постэпохи на Востоке Европы, своеобразно зависшей между коммунистическим прошлым и молодым капитализмом, как время *second hand*. Эта дефиниция, безусловно, удачная, она четко

¹⁰ С. Алексиевич, указ. соч.

¹¹ В. Беньямин, *Рассказчик*, [в:] *Его же, Озарения*, пер. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко, Москва 2000, с. 350.

передает вторичность той культурной модели, которую репрезентируют сегодня страны, возникшие на территории бывшего СССР. С одной стороны, это общество, не пережившее травмы своего прошлого, не очистившееся от его тяжких грехов, не покаявшееся. С другой же стороны, новый капиталистический строй на Востоке континента тоже выглядит как поверхностное копирование западных образцов, он остается до сих пор не осмысленным и не вполне востребованным как идеологическая модель; именно поэтому вызывает множество сомнений и упреков со стороны общественного мнения. Словом, человек в постсоветском пространстве живет так, как будто ощущает себя в супермаркете дешевых, уже бывших в употреблении, вещей. *Second hand* стал общедоступным, но от этого не изменилась его суть, так как выбирать приходится из вещей, уже служивших раньше кому-то. В этом метафора современного состояния людей, чувствующих себя причастными к СССР, довольно-таки удачная. Сказанное выше вполне логично применить также к состоянию культуры в постсоветском мире: она (в большей или меньшей степени — об этом можно и следует дискутировать!) выглядит как вторичное производство, как адаптация чужих формул и чужого опыта к конкретной ситуации, требующей новых подходов и нового качества.

В восприятии Алексиевич переходное состояние, которое невыразимым образом растянулось во времени, не случайно. Писательница дает подробное обоснование специфики процесса, оказавшегося слишком сложным и противоречивым, предопределяющим движение не только вперед, но и вспять, как это ни странно на первый взгляд. Согласно ее мнению, замедление трансформационного перехода было вполне закономерным, так как популяция людей, воспитанных и сформированных в советских условиях, оказалась поразительно неспособной к созиданию, к новизне. Светлана Алексиевич замечает по этому поводу:

Мы оказались неспособны на новую жизнь, не нашли для нее ни сил, ни идей, ни желаний, ни опыта. В перестройку нам казалось: поговорим-поговорим и будет свобода. Возникнет не из чего, из воздуха, из прочитанных книг, из разговоров за сухим вином. А оказалось, что свобода — адская работа. Нам почему-то все время кажется, что вот прольется кровь за светлые идеалы и наступит некая правда и новая жизнь. Таких ожиданий много и в русской литературе. А „новая жизнь” — это долгая, скучная работа. Я бы даже сказала — обывательская. Не надо ехать в Афганистан или залезать на крышу, чтобы потушить реактор, но надо научиться говорить со своим ребенком. Сосредоточиться на микрокосмосе человеческой жизни, бывшем так долго вне интереса и государства, и самого человека. И оказалось, что у нас нет идей. И мы стали хвататься за старые. Время

секонд-хенд — это время старого, старых предрассудков, старых разделений между людьми. [...] И все почему-то сразу аккумулируется в ненависть. И эта ненависть распухает. Надо признать, что и оснований для нее достаточно¹².

Определение настоящего как цивилизации временной, переходной, с заимствованными извне, но не вполне осмысленными ценностями и формами, разделяет немало современных интеллектуалов, причем ареал этого наблюдения не следует ограничивать постсоветским пространством. В определенном качестве такое состояние характерно для всей Центрально-Восточной Европы. Не об этом ли говорит Пшемислав Чаплиньский, наблюдая в современной польской литературе эффект ресайклинга, то есть переработки цивилизационного мусора („nowoczesna odpowiedź na nowoczesne odpady?”)¹³. Или словацкий ученый Рудольф Хмель, свидетельствующий о том, что свобода разделила и расколола посткоммунистическое общество, так что сегодня в нем очень недостает „более глубокой рефлексии о нашей шизофренической душе”¹⁴. Таким образом, время *second hand* может оказаться формулой значительно более емкой, относящейся не только к странам бывшего Советского Союза, но характеризующей глубокие различия и диспропорции современного мира, в частности их проекции на Старом Континенте.

Может показаться, что Алексиевич немного преувеличивает, когда видит наше время исключительно в черно-серых тонах, когда недооценивает то доброе, что оно в себе содержит. Именно такие претензии к новой книге писательницы высказывались многими читателями в России и в Белоруссии. Ведь со времени СССР изменилось немало, причем изменилось радикально. Однако у Светланы Алексиевич своя логика. Она ставит во главу угла конкретные человеческие истории, а именно: человек, его ментальность, амбиции и фобии — все это доказывает, что советская эпоха не вполне изжита, она своеобразно продолжается в сознании людей, порождая весьма своеобразные, нередко шизофренические фантазии, как, например, возрождение ритуалов пионеров и комсомольцев в самопровозглашенных Донецкой и Луганской республиках, или культ Сталина в российских масс-медиа и т. под.¹⁵ Не залеченная вовремя

¹² С. Алексиевич, *Прощание с „красным” человеком*, „Российская газета” 2013, [в:] электронный ресурс: <https://rg.ru/2013/09/11/aleksievich.html> (20.05.2018).

¹³ P. Czaplinski, *Resztki nowoczesności. Dwa studia o literaturze i życiu*, Kraków 2011, с. 6.

¹⁴ R. Chmel, *Romantizmus v globalizme. Malé národy — veľké mýty*, Bratislava 2009, с. 288, 306.

¹⁵ Западные исследователи констатируют необычайную живучесть советского нарратива и советских ритуальных практик, которые разрушаются очень мед-

рана прошлого травматического опыта опять и опять апеллирует к сознанию общества, апеллирует к необходимости всеобщего покаяния. От нее никуда не спрятаться. Ее рано или поздно все равно придется признать. Ибо „вся наша беда в том, что у нас палачи и жертвы — это одни и те же люди”¹⁶. Но пока что этого не происходит, и перспектива покаяния остается весьма иллюзорной: „Не придумывайте себе народ: какой он, наш народ, хороший. Покаяться никто не готов. Это великий труд — покаяться”¹⁷.

Монологи, составляющие книгу *Время секунд хенд*, представляют советскую действительность с разных сторон. Но общая черта всех этих монологов связана с принадлежностью каждого героя к необычному эксперименту — созданию нового человека. Автор с горькой иронией замечает, что это единственный из огромных экспериментов, который удался советской власти. Вместе с тем она искренне сочувствует своим героям. Более того, признается в причастности к этому типу человека: ведь *homo sovieticus* — не абстрактный персонаж фейлетонов и анекдотов, это конкретные люди из близкого окружения автора и даже (в определенной степени) сам автор, разделяющий общие ценности советской эпохи. В этом коренится принципиальное противоречие позиции Светланы Алексиевич: она избегает роли судьи, не оставляет оценочных суждений, непосредственно рассказывая конкретные истории конкретных людей.

Однако это не освобождает ее от сложных дилемм морально-психологического выбора точно так же, как и от писательской ответственности за сказанное, в частности за скрытые в нем смыслы. Произведения Светланы Алексиевич направлены на последовательное развенчание героических мифов советской пропаганды. В этом и величайший успех писательницы, и ее внутренняя проблема, потому что советская ментальность остается незалеченной раной точно так же для самого автора, как и для его героев. В целом художественно-документальные книги Алексиевич хорошо вписываются в постколониальную парадигму культуры. Вольно или невольно, писательнице приходится дискредитировать „великий нарратив”, выстраиваемый на протяжении нескольких поколений советской литературой, причем выстраиваемый капитально, всем миром, с привлечением выдающихся талантов и весьма знаковых для эпохи произведений искусства.

ленно. Сегодня их еще слишком рано списывать в архив, утверждает Грэм Гилл: G. Gill, указ. соч., с. 6–7.

¹⁶ С. Алексиевич, *Время секунд хенд*, Москва 2014, с. 276.

¹⁷ Там же, с. 291.

Голоса, голоса

Характеристика нашего времени как второстепенного и промежуточного — не новая. Но она предполагает анализ самой важной проблемы переходного периода, заключающейся в качестве человека. Переходя в другое время, в другое цивилизационное измерение, мы забыли, что делаем это с человеком, воспитанным в советской традиции и абсолютно не пригодным к такой радикальной трансформации. И поражения молодой демократии, рождающейся на развалинах СССР, как убеждает Светлана Алексиевич, нередко коренятся именно в этом: в неспособности человека к активной позиции, в традиционной пассивности, когда сетования на несправедливость уживаются с наивной верой в добрых правителей, — иначе говоря, в патерналистской иллюзии, унаследованной от прошлого. С другой стороны, общество тоталитарного типа, не очистившееся от прошлых преступлений, не познавшее покаяние, приговорено опять и опять повторять ошибки истории. „Красный человек” Светланы Алексиевич словно заблудился в заколдованном кругу истории и не способен найти выход из него.

Возможно, нужна смена не только времен, но и поколений, идеологий, ценностных ориентиров, чтобы это случилось, чтобы найти наконец выход из заколдованного круга? Один из персонажей *Времени секонд хенд* так и заявляет: по законам логики это невозможно рассудить, только „по законам религии”. Итак, одни вспоминают прошлое как время своей абсолютной власти и силы, а втайне мечтают о возвращении правителя с „железной рукой”. Они считают, что состояние свободы в обществе переходное и оно неизбежно сменится новой диктатурой и террором. Другие же, наоборот, вспоминают прошлое — репрессии, страдания, лагерь, жизнь на грани — как время роковых испытаний, в условиях которых человек безошибочно проявляет свою настоящую сущность. Есть еще и третья группа персонажей Алексиевич: это успешные люди, которые уже в условиях нового российского капитализма обрели себя на родине (или эмигрировали из нее), но и они время от времени возвращаются к оценке советского как исходной точки своих жизненных исканий.

Что объединяет этих различных персонажей? Ясное дело, опыт советского прошлого: все были гражданами СССР, все были современниками и участниками русского культурного мира XX столетия, все вынесли из него, переходя в новую капиталистическую действительность, привычки и стереотипы „красного человека”. Все, таким образом, находится под влиянием выработанной в свое время со-

ветской системы ценностей, несмотря на то, были ли они ее активными носителями, или, наоборот, жертвами репрессий и диссидентами. Так или иначе, типичные герои Алексиевич оказываются людьми, глубоко увязшими всем своим сознанием в прошлом, и это составляет непреодолимую преграду на пути их адаптации к современным условиям жизни и быта. И только отдельным из них удается сохранить собственное достоинство, индивидуальное „я“, не раствориться в иллюзорном порыве к коммунистической утопии. Этим они вправе гордиться — как уникальным опытом преодоления обстоятельств и обретения новой идентичности.

Как известно, отличительной чертой советского человека был его общий, экзистенциальный в своей сущности, страх. Боялись не только простые люди, незащитные перед тоталитарной властью. Боялись и сами власть имущие, ведь система вовсе не гарантировала им безопасности, а практики сталинских „чисток“ приучили к тому, что нет ничего определенного и закрепленного раз и навсегда: сегодняшний „герой труда“ на завтра мог оказаться „врагом народа“, и никто от такой метафорфозы не мог быть застрахован.

Страх — вот что определило сознание и поведение тех, кого мы попытались типизировать и классифицировать; индивидуальное, личное, частное отношение к всеобщему страху [...]. Способность его обуздать или уже целиком отдаться во власть страха, став его заложником¹⁸,

— отмечал известный исследователь советской литературы Станислав Рассадин. Заметим: страх, заложенный в свое время советской системой, до сих пор остается действенным, он даже передается в наследство следующим поколениям, которые непосредственно его не чувствовали. Инерция страха до сих пор активно влияет также на художественное творчество. Александр Эткинд, обобщая впечатление о художественной литературе в современной России, считает, что она во многом обязана вытесненным чувствам травмы и страха. Хотя писатели преимущественно не рассуждают о травматическом прошлом со всей откровенностью, но образы этого прошлого все же проникают в их актуальные произведения — уже в преобразованном виде, как плоды своеобразного художественного воображения.

Соединив катастрофическое прошлое с жалким настоящим и опасным будущим, Россия начала XXI века стала оранжереей для выращивания привидений, попаданцев, зомби и других призрачных тел. Трагично, что рос-

¹⁸ С. Рассадин, *Советская литература. Побежденные победители: почти учебник*, Москва 2006, с. 149.

сийская культура вернулась к тем страхам, обидам и надеждам, из которых была сделана *Шинель* Гоголя. В начале XXI века те, кто думают на русском языке, фантазируют о страшной мести способами, которые не идут дальше того, что описано в конце *Шинели*,

— пишет исследователь¹⁹.

Многочисленные человеческие голоса, которыми Алексиевич заполняет пространство своих книг, в частности *Времени секунд хенда*, в своей совокупности вполне резонно могут претендовать на обобщенный голос своего времени, советской и постсоветской эпохи. Это, кстати сказать, не только русские и белорусы. Среди героев новой книги — евреи, поляки, таджики. Общим для их всех является определение „советский человек”, ведь советское воспитание (круг чтения, кино, песни, анекдоты и пр.) сформировало из них некую устойчивую социальную группу. Ассимиляционная политика СССР систематически нивелировала национальные и региональные особенности, в чем нас убеждает С. Алексиевич — не только на примере своих героев, но и на собственном примере, как это ни парадоксально. Остались только общие ценности, культивированные массовой пропагандой, — русский язык и советские культурные мифы, от которых очень трудно отказываться теперь всем, кто когда-либо в них поверил.

Сама писательница тоже во многом проявляет неоднозначную или четко не очерченную идентичность. Известно, что длительное время она провела на Западе, вдали от родины. Пишет на русском языке, являющимся для нее родным. Более того, идентифицирует себя с русским культурным миром как собственным наследием, с которого многое почерпнула и дальше черпает. Алексиевич высоко ценит и часто вспоминает в своих публичных высказываниях великих предшественников, ставших для нее наибольшими авторитетами, — Федора Достоевского, Льва Толстого, Антона Чехова, Варлаама Шаламова. Но заметим, что в Нобелевской речи она с благодарностью упомянула также своего литературного учителя, выдающегося белорусского писателя Алеся Адамовича. А в интервью для газеты „Салідарнасць”, данном в том же году, четко заявила: „Я себя чувствую человеком белорусского мира”²⁰, что обескуражи-

¹⁹ А. Эткин, *Кривое горе. Память о непогребенных*, авториз. пер. с англ. В. Макарова, Москва 2016, с. 297.

²⁰ „Я себя чувствую человеком белорусского мира”, „Салідарнасць”, 8 октября 2015 г., [в:] электронный ресурс: http://www.gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=102701 (20.05.2018).

ло часть ее русских читателей, считавших Алексиевич вполне русским автором.

Светлана Алексиевич продолжает оставаться советским писателем в том смысле, что язык ее произведений — это аутентичный язык советской цивилизации. Иначе и не удалось бы рассказать о прошлом, не впадая в измышления и фальшивый тон. Этот советский язык, заметим, в наше время все больше утрачивает свой облик и скоро исчезнет совсем, так что литература будет его последним пристанищем, убежищем и архивом. Алексиевич не скрывает, что сама является типичным продуктом советского эксперимента: отец — белорус, мать украинка, воспитание в русскоязычной среде и в духе советских культов, в частности влияние отца — преданного коммуниста. С этим ничего не поделаешь. Остается принять и постараться извлечь пользу из этого конгломерата идентичностей: во всяком случае, в культуре он вполне может сыграть и продуктивную роль, как нам известно.

Однако русский язык Светланы Алексиевич — это не только родной для нее язык, не только живое свидетельство тотальной ассимиляции белорусской культуры в условиях СССР и даже после его распада, и не только аутентичный язык героев ее произведений. Пишущая на русском Алексиевич отдает дань классической русской литературе, а также ее традиции в XX веке, когда под давлением коммунистической риторики системно вытеснялись базовые элементы классического дискурса. Писательница формулирует это следующим образом: „Русская литература интересна тем, что она единственная может рассказать об уникальном опыте, через который прошла когда-то огромная страна”²¹. Конечно, путь от утопических мечтаний Достоевского до горького послевкусия ада, каким изображен ГУЛАГ в произведениях Шаламова и Солженицына, длинный, но ведь это звенья истории одной литературы и в них можно обнаружить определенные наследственные связи. Это и пытается проделывать Алексиевич, осваивая и видоизменяя художественные ресурсы русского литературного языка.

Современная белорусская литература повторяет ирландский опыт, пытаясь сохранить определенные национальные черты в русскоязычных произведениях. Да, это не единственный из возможных и, похоже, далеко не лучший путь, но в конкретных условиях и не самый худший, так как вынужденный обстоятельствами. Но так будет

---

²¹ „О проигранной битве”. Нобелевская лекция Светланы Алексиевич, [в:] электронный ресурс: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ry.html (20.05.2018).

не всегда. И случай Светланы Алексиевич может послужить примером того, как сам писатель может постепенно изменять порочную ситуацию, корректируя собственную идентичность. Это вселяет определенную надежду относительно будущего белорусской словесности, оказавшейся в двойне трудном положении: пережив ужасную ассимиляцию советских времен, она очутилась под огромным давлением русского мира уже в XXI веке, разочарованная в собственном государстве, неспособном защитить национальную культуру.

Критика советской цивилизации и культуры представлена в творчестве Светланы Алексиевич несколькими фазами ее осмысления. Сама писательница считает, что в пяти изданных книгах она исчерпала тему „красного человека”, систематически, шаг за шагом ее исследуя на протяжении тридцати пяти лет жизни. Проблема кризиса идентичности человека в постсоветском пространстве все же остается открытой, а общество пока что не способно к восприятию критического пафоса писательницы. Это значит, что идеи и ценности, к которым она последовательно апеллирует (в том числе — ценности классической русской литературы XIX и XX века, что немаловажно), остаются недостаточно востребованными. Важно увидеть за конкретным общее, за единичным и частным — универсальное.

Автор *Времени секунд хенд*, рассказывая о планомерном разрушении советской системы, умеет вывести проблему на высший уровень, увидеть в ней общечеловеческую, универсальную сущность. По большому счету, Светлана Алексиевич пишет о том, о чем писали литераторы всех времен и народов, — о любви и смерти. Быть может, в немного странной модификации: о смерти и любви или любви после смерти. К такой постановке вопроса обязывает сам материал ее произведений, живые рассказы тех, кто пережил СССР, — его героев и жертв, и реже — просто свидетелей.

Я жила в стране, где нас с детства учили умирать. Учили смерти. Нам говорили, что человек существует, чтобы отдать себя, чтобы сгореть, чтобы пожертвовать собой. Учили любить человека с ружьем. Если бы я выросла в другой стране, то я бы не смогла пройти этот путь. Зло беспощадно, к нему нужно иметь прививку. Но мы выросли среди палачей и жертв. Пусть наши родители жили в страхе и не все нам рассказывали, а чаще ничего не рассказывали, но сам воздух нашей жизни был отравлен этим. Зло все время подглядывало за нами²².

Персонажи Алексиевич не могут выйти из заколдованного круга, в котором их постоянно преследуют такие неотъемлемые черты

²² Там же.

советской идентичности, как страх, нелюбовь и смерть. Определенным образом разделяет их чувства и сама писательница — во всяком случае, в той степени, в какой идентифицирует себя со своими героями. Вместе с тем Светлана Алексиевич ощущает черту, за которой описанный в ее книгах опыт советского человека уже теряет свою актуальность и перестает возбуждать общий интерес. В этом смысле она символически замыкает круг советской литературы, олицетворяя своим творчеством не только момент исторического заката, но и своеобразной „жизни после смерти“, когда сам объект повествования уже теряет отчетливые очертания и переходит в эфемерное измерение. Вместе с тем Алексиевич готовит почву для нового, постсоветского культурного дискурса, разворачивающегося на наших глазах уже в XXI веке.

Библиография

- Алексиевич С., *Время секунд хенд*, Москва 2014.
- Алексиевич С., *Прощание с красным человеком*, „Российская газета“ 2013, [в:] электронный ресурс: <https://rg.ru/2013/09/11/aleksievich.html> (20.05.2018).
- Беньямин В., *Рассказчик*, [в:] *Его же, Озарения*, пер. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко, Москва 2000.
- Гусейнов Г., *О дискурсе мракобесия*, [в:] электронный ресурс: <https://realnoevremya.ru/articles/69107-gasan-guseynov-o-diskurse-mrakobesiya-leksikonk-stalina> (20.05.2018).
- Лиотар Ж.-Ф., *Состояние постмодерна*, пер. с фр. Н. А. Шматко, Москва–Санкт-Петербург 1998.
- Литературократия. Проблемы присвоения и перераспределения власти в литературе*, Москва 2000.
- „О проигранной битве“. Нобелевская лекция Светланы Алексиевич, [в:] электронный ресурс: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ry.html (20.05.2018).
- Рассадин С., *Советская литература. Побежденные победители: почти учебник*, Москва 2006.
- Эткинд А., *Кривое горе. Память о непогребенных*, авториз. пер. с англ. В. Макарова. Москва 2016 (Библиотека журнала „Неприкосновенный запас“).
- „Я себя чувствую человеком белорусского мира“, „Салідарнасць“, 8 октября 2015 г., [в:] электронный ресурс: http://www.gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=102701 (20.05.2018).
- Chmel R., *Romantyzmus v globalizme. Malé národy — veľké mýty*, Bratislava 2009.
- Czapliński P., *Efekt bierności. Literatura w czasach normalnych*, Kraków 2004.
- Czapliński P., *Resztki nowoczesności. Dwa studia o literaturze i życiu*, Kraków 2011.
- Domańska E., *Historia ratownicza*, „Teksty Drugie“ 2014, nr 5.

- Gill G., *Symbolism and regime change: Russia*, Cambridge 2013.
- Matejko L., *От „советской литературы” к национальным литературам на постсоветском пространстве: случаи Украины, Беларуси и Азербайджана*, [in:] *Literature and Social Change: A Voyage Through the History of Slavic Studies*, ed. by L'ubor Matejko, Bratislava 2017, с. 119–121.
- Mencwel A., *Wyobraźnia antropologiczna. Próby i studia*, Warszawa, 2006.

